

Анриан Афанасьевич Борисов

*Институт гуманитарных исследования
и проблем малочисленных народов СО РАН
677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1*

✉ a_a_borisov@mail.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-41-45

**ДЕФИНИЦИИ УЛУСНОЙ СИСТЕМЫ ЯКУТОВ
В ПРАКТИКЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
РОССИИ XVII–XVIII ВВ.:
РОДЫ, ВОЛОСТИ, НАСЛЕГИ, УЛУСЫ**

Увеличение территории любого государства сопровождается вовлечением населявших присоединенные земли народов в процессы управления, развивавшиеся внутри него. Данному государству приходится считаться с традиционным устройством этих народов. Присоединение Сибири сопровождалось неизбежной адаптацией политико-административного пространства, населенного аборигенными народами [Шерстова, 2012. С. 36; Зуев, Игнаткин, Слугина, 2017. С. 378–387]. Причем в историографии считается, что процесс шел в сторону унификации и русификации. В Якутии же процессы адаптации политико-административного пространства имели свою специфику. Термины «земля», «улус», «орда», использовавшиеся местными народами для номинации статуса территорий на раннем этапе русской колонизации свидетельствовали об известной самостоятельности территорий. П. Бекетов в 1632 г. произвел вербальную переклассификацию якутских улусов в «волости» [Зуев, Игнаткин, Слугина, 2017. С. 382].

Улусы — это социальная группа и одновременно политико-потестарное объединение. Их главными признаками являются подвижность и привязанность не к территории, а к населению [Борисов, 2016. С. 134]. Улусы имели двух- или трехпорядковую структуру: первый уровень — патронимический, второй — надклановый, третий — гибридный или экзополитарный. В Сибири в основном сохранились улусы двух первых уровней.

С присоединением к Русскому государству происходит адаптация улуса к российской системе управления. На начальном этапе для этих целей в управленческой практике использовались два термина — «род» и «волость». Они в приемлемых для сознания русских служилых людей смыслах определяли суть улусной системы. Первый, очевидно, обнимал агнатическую группу кровно-родственных семей — конический клан. Второй помимо значительных по численности членов патронимий также соответствовал более крупным группировкам. Из 35 ясачных волостей, образованных в Центральной Якутии, где проживала подавляющая часть якутов, шесть относились к этим последним: Кангаласская, Намская на левобережье Средней Лены, Борогонская, Бетунская, Ботуруская, Мегинская на правобережье Средней Лены. Это были улусные объединения второго порядка. Они выделялись не только по значимости улусных лидеров (в каждой из них были крупные, харизматичные лидеры), но и по численности населения (от 2 тыс. до 5 тыс. чел.). Такой порядок и такая номинация сохранялась почти сто лет. Произошедшее в 1720-х гг. укрупнение волостей в улусы любопытно в том плане, что это событие укладывалось в замеченный в историографии процесс унификации, но не русификации, с одной стороны, и отличалось местным своеобразием — с другой. Неожиданно, термин «улус», применявшийся было первыми землепроходцами в отношении якутских политико-потестарных объединений и вскоре исчезнувший из делопроизводственного лексикона, вдруг «воскрес» и в дальнейшем укоренился. Более того, расширилась география его

применения, охватившая сначала весь Якутский уезд, а затем — область.

Действительно, образованные пять административных улусов¹ — Кангаласский, Намский, Борогонский, Мегинский и Батурусский — объединили вокруг себя по нескольку прежних ясачных волостей, к каждому из которых были приписаны ясачные сборщики. Очевидно, это было удобно из фискальных соображений.

Вместе с тем, как мы уже отметили, восстановилась аборигенная номинация, которая в отличие от предыдущего периода, когда она обозначала группы до 5 тыс. чел., стала охватывать еще более крупные объединения (до 10 тыс. чел. и больше). Примечательно также, что одна прежняя ясачная волость — Баягантайская — сохранила самостоятельность, не войдя в состав укрупненных улусов. Она так долгое время и продолжала именоваться волостью, пока на рубеже XVIII–XIX вв. не приобрела статус улуса наравне со вновь созданными улусами западной и северо-восточной частей Якутии. Здесь, конечно же, сыграло роль, с одной стороны, географическое положение (удаленность и разбросанность), численность населения (несколько тысяч человек) и, наконец, политический вес и активность местной улусной элиты. Хотя, в некоторых источниках ее присоединяли к Борогонской волости [Башарин, 2003. Т. 1. С. 218–219].

Процесс укрупнения был, вероятно, подготовлен практикой взаимоотношений верховной власти с представителями якутской элиты. Напомним, что результатом двух депутатий якутских князцов (1677, 1680 гг.), которые, кстати, были представлены именно тойонами названных улусов, стало назначение главных князцов в ясачных волостях. В 1720-х гг. эти князцы получили еще большую власть.

Подобное развитие событий несколько контрастирует с ситуацией в других регионах, где, как правило, происходило разобщение и раз-

¹ Названы улусами с 1730-х гг. (НА РС (Я). Ф. 27-и. Оп. 1. Д. 13. Л. 25–26).

дробление территорий и аборигенных сообществ. Ту же картину мы наблюдаем в Цинском Китае, который упразднил прежнюю улусную систему монголов, заменив ее хошунами, и проводил политику раздробления этих подразделений. На момент присоединения монгольских улусов к Китаю их насчитывалось не более восьми, но затем численность многократно увеличилась.

Интерес представляет и следующая якутская дефиниция — наслег, не имеющий аналогов в других аборигенных обществах Сибири. Данный таксон является порождением как русской административной практики, так и местной специфики. Во многом, бывшие ясачные волости, начиная с 1770-х гг., приняли статус наслега. Доказано также, что сам термин имеет русское происхождение (от слова «ночлег») [Башарин, 2003. Т. 2. С. 491]. Вместе с тем, совершенно очевидна связь «наслега» с традиционной улусной системой. В делении улуса на наслеги проявился еще один институциональный признак улуса — подчиненность кочующего населения к улусному главе в силу не только территориальной близости, но и особых, возникающих только в кочевой среде «саунных» отношений. И только значительно позже, уже в XIX в., сибирская администрация переформатировала эту единицу в соответствии с «Уставом» 1822 г. Первоначально же наслеги возникли как естественное воспроизводство традиционных улусных устоев.

Таким образом, якутский пример адаптации политико-административного пространства якутских территорий в XVI–XIX вв. является собой своеобразный образец взаимодействия имперских технологий и местных политико-потестарных обычаев. На раннем этапе, в XVII в., в делопроизводственной практике регионального управления произошла русификация и упрощение дефиниций, присущих якутской политико-потестарной традиционной системе. В дальнейшем, на протяжении XVIII в., происходит восстановление улусной организации и приспособление ее к нуждам государственной системы управления Российского государства в Якутии.

А. А. Борисов

Литература и источники

Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. М.: Арт-Флекс, 2003. Т. 1. 448 с.

Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. М.: Арт-Флекс, 2003. Т. 2. 520 с.

Борисов А. А. Улус как универсальная форма политической и общественной самоорганизации тюркских и монгольских народов // Евроазийн нүүдлийн аж ахуй. Түүх, Соёл, Хүрээлэх орчин. Сэндай, 2016. С. 123–134.

Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в состав Российского государства в конце в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 444 с.

Шерстова Л. И. Аборигенная политика московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 93–98.